

УДК 81*255.4

Doi 10.26456/vtfilol/2023.4.177

К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ЭКВИВАЛЕНТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

С.А. Колосов, П.Е. Карташова

Тверской государственной университет, г. Тверь

Юридическая терминология обладает национальной спецификой как в языке-источнике, так и в языке перевода, что создает дополнительные трудности при подборе переводческих соответствий. Для выбора правильного эквивалента переводимого термина переводчик должен провести сравнительно-правоведческий анализ соответствующих понятий правовых систем, ориентируясь на определения и содержание, установленные законодательством.

Ключевые слова: *юридический перевод, юридические термины, эквивалентность, правовой узус, терминография.*

Юридический перевод относится к специальным видам перевода, специфика которого обуславливается рядом существенных параметров как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Правовые аспекты присутствуют практически в любой сфере нашей жизни, а, следовательно, существует огромное количество текстов и коммуникативных ситуаций, в рамках которых создается, реализуется или объясняется право. В то же время любая правовая система является национально и культурно специфичной, формирующей свое, во многом уникальное поле правовых концептов, норм и практик, которые оформляются с помощью национального языка и составляют концептуальную юридическую картину мира нации. В этом заключается особенность перевода юридической терминологии в сравнении с переводом терминологии многих других, особенно естественнонаучных, предметных областей, обладающих универсальной концептуально-понятийной основой, не зависящей от национальной специфики (например, единые представления о химических, физических, биологических процессах окружающего мира).

Проблема национальной специфики правовых систем и их терминологии особенно актуальна для английского языка, который, с одной стороны, имеет несколько национальных вариантов (британский, американский, австралийский, канадский и т.д.) и, соответственно, обслуживает разные правовые системы, а с другой, является самым популярным языком, с которого и на который переводится огромное количество юридических текстов и документации. Как отмечает американский специалист в области сравнительного правоведения и

переводчик Гражданского кодекса РФ на английский язык К. Осаке, «даже если у двух стран имеется общий литературный язык, и даже если их национальное право имеет общие исторические корни, их правовые системы всё равно отличаются друг от друга в своих нюансах и в своих оттенках. Например, Англия и США – две англоязычные страны, которые разделены не только общим литературным языком, но и общим правом. В этом же смысле германское право отличается от австрийского права своими национальными особенностями, своим германским духом» [8: 62]. В отношении английского языка в [3] обсуждается становление так называемого юридического пан-европейского английского как языка супранациональной юрисдикции. Авторы отмечают, что «объективно он материализует дополнительный языковой код на фоне уже существующих вариантов юридического английского <...>. И, несмотря на общие истоки юридического английского, внутриязыковая дифференциация уже сама по себе формирует определенную коммуникативную среду с высоким уровнем прагматически обусловленных правовых смыслов, которые заданы профессиональным правовым сообществом, в данном случае – Евросоюзом как супранациональной юрисдикцией» [3: 223–224].

При взаимодействии между субъектами права, представляющими различные правовые системы и юрисдикции, возникает необходимость в предельно точной и адекватной передаче предметно-логического содержания речи – как устной, так и письменной – во избежание всевозможных коллизий и негативных последствий, например, в виде судебных разбирательств. Переводчик юридического текста, таким образом, должен максимально точно и однозначно передать институционально кодифицированный смысл термина на юридическом языке другой правовой системы, чтобы никоим образом не нарушить объём исходного понятия, не подменить его чем-то внешне схожим, но не идентичным, не привнести чуждые правовые коннотации в предмет обсуждения. При этом текст перевода должен быть доступным для понимания целевой аудиторией и приемлемым для функционирования в рамках иноязычного юридического дискурса. Как точно замечает Г. Лайкауф, «перевод на язык другой понятийной системы с сохранением понятийной системы исходного языка на первый взгляд может показаться квадратурой круга. Это означало бы переводить, например, австрийский юридический текст на русский язык, избегая русских юридических терминов, точнее, терминов российской правовой системы. Однако на практике это вполне решаемая задача, хотя иногда достаточно трудная» [5: 150].

Концептуально-понятийная основа правовой системы воплощается в терминах, то есть лексических единицах, «используемых для точного выражения юридических понятий» [4: 13]. Они формируют единую правовую терминосистему языка, которая в свою очередь подразделяется на подсистемы, связанные с конкретными отраслями права (уголовное право,

гражданское право, административное право, налоговое право и т. д.). Набор классических требований к значению и форме термина включает точность (соотнесенность со строго определенным понятием), однозначность (в рамках конкретной терминосистемы), системность (структурированность взаимоотношений с другими понятиями терминологической системы), независимость от контекста, краткость (минимальное количество терминоэлементов в составе термина). Очевидно, что в действительности большинство существующих и вновь создаваемых терминов далеки от идеальных представлений о термине и его свойствах. Для юридической терминологии, пусть и в меньшей степени, характерны те же самые проблемы, что и для других предметных областей: многозначность, синонимия, межпредметная омонимичность, неоднозначность интерпретации специалистами. Все эти проблемы удваиваются, когда речь идет о формировании терминологических эквивалентов в языке перевода.

В переводоведении термины принято относить к однозначным соответствиям, или полным эквивалентам (в терминологии Я. Рецкера), что предполагает перевод термина исходного языка (ИЯ) по большей части каким-то одним термином переводящего языка (ПЯ). Для выполнения этого требования в ПЯ, как минимум, должен существовать переводной эквивалент, который зафиксирован в специальных словарях или терминологических базах. В случае отсутствия такового переводчик должен создать переводной эквивалент.

Необходимо отметить, что некоторые слова, используемые рядовыми носителями в обиходно-повседневной речи, имеют статус строгих юридических понятий. В большинстве случаев их терминологическое значение закрепляется законодательными и нормативными актами. Однако то, что в бытовой речи может использоваться в качестве синонимов (например, грабеж / разбой, неосторожность / небрежность / халатность, амнистия / помилование), подвергается четкой понятийной дифференциации в юриспруденции, что находит отражение в использовании указанных понятий в отдельных статьях Уголовного кодекса РФ. Так, например, грабеж в УК РФ трактуется как «открытое хищение» (ст. 161 УК РФ), а разбой как «нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» (ст. 161 УК РФ) [10]. Здесь важно указать на принципиальное различие между двумя видами преступлений против собственности, которое лежит в основе разграничения понятий и эксплицируется в диспозициях (описаниях деяния) соответствующих статей. Грабеж может вовлекать «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), в то время как разбой по определению совершается «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» (ч. 1

ст. 162 УК РФ). Примечательно, что Пленумом Верховного суда РФ было издано постановление «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором даются разъяснения по правильной интерпретации содержания и объема понятий, обозначающих распространенные преступления против собственности [9]. Сам факт наличия такого разъяснения свидетельствует о том, что даже у специалистов в области юриспруденции возникает потребность в уточнениях и толкованиях формулировок законодательных актов для надлежащего применения правовых норм. Для переводчика юридического текста, который далеко не всегда является юристом, тем более специалистом по сравнительному правоведению, задача правильного и адекватного перевода усложняется в разы.

В самом популярном многоязычном онлайн-словаре «Мультитран» для слов «разбой» и «грабеж» первым среди целого ряда вариантов перевода на английский язык в категории общей лексики стоит слово *robbery*. Общими в рядах переводных соответствий для обоих слов также являются слова *plunder* и *freebooting*. Очевидно, что палитра вариантов перевода, представленных в данном словаре, включает множество контекстуальных соответствий, которые вполне могут подойти для перевода этих слов как общелитературной лексики, а не юридических понятий (= терминов), которые используются в официальных юридических текстах, юридических документах и научных юридических текстах. Вариантных соответствий с пометой «юр.» (юридическая лексика) значительно меньше: 4 для слова «грабеж» (*plundering, brigandism, despoilment, shopbreak*) и 5 для слова «разбой» (*assault with intent to rob, banditry, brigandism, robbery with violence, shopbreak*). Вопрос о соответствии каждого варианта перечисленным выше требованиям терминологичности оставляем за рамками обсуждения этой статьи. Вариант обратного перевода с английского на русский слова *robbery* не дает каких-либо зацепок, здесь также предлагаются такие варианты перевода, как «грабеж», «разбой», «налет», «кража» и т. д. А варианты с пометой «юр.» – «обкрадывание, роббери (по обстоятельствам дела – грабеж, соединенный с насилием, или разбой)» – не выдерживают никакой критики. Хотя переводчик, предложивший вариант «роббери», возможно, хотел сделать акцент на то, что английское *robbery* – это нечто среднее между грабежом или разбоем в российском уголовном праве. Использование приема транслитерации для создания переводного эквивалента сигнализирует о том, что речь идет о специфичном юридическом понятии иной правовой системы, которое не следует смешивать с юридическими понятиями в системе ПЯ. В [6: 651] слово *robbery* переводится как грабеж, при этом также приводятся адъективные словосочетания *aggravated robbery* «тяжкое ограбление» (вариант кальки, который нельзя считать не только терминологичным с точки зрения российского уголовного права, но и

узуальным) и armed robbery «вооруженный разбой». Таким образом, обращение только к двуязычному словарю вряд ли поможет переводчику в проблеме выбора эквивалента, а неискушенного переводчика даже может сбить с толку обилием предлагаемых вариантов, частично дублирующих друг друга.

Обратимся к переводу этих терминов в англоязычных вариантах УК РФ. Мы рассматриваем перевод интересующих нас понятий в англоязычных переводных текстах УК, потому что именно перевод этих нормативных текстов потенциально может служить ориентиром для переводчиков, которым предстоит выполнять письменный перевод официальных юридических документов (законодательные акты, судебные решения, следственные материалы и т. п.) или научных публикаций по юриспруденции, а также осуществлять устный перевод в суде. В изданном переводе под редакцией У. Батлера [11: 157] «грабеж» переведен как open stealing, а «разбой» как assault with intent to rob (совпадает с одним из вариантов, предлагаемых в «Мультитране»). Переводчик использует разные многосоставные номинативные единицы для передачи двух понятий. Вариант open stealing – это прямой перевод начала диспозиции ст. 161 УК РФ: «Грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества...». В результате перевод самой диспозиции оказывается тавтологичным (“Open stealing, that is, the open stealing of another’s property...” [там же]) и, следовательно, не может быть признан удачным. Создается ощущение, что У. Батлер намеренно избегает использования слова robbery в переводе названий преступлений, являющихся предметом обсуждения, чтобы не привносить каких-либо юридических коннотаций, ассоциированных с англо-американским общим правом. Такой подход во многом представляется оправданным. В размещенном в свободном доступе в интернете варианте перевода УК РФ [12] находим вариант robbery для «грабежа», а для «разбоя» – robbery with violence. Как видим, номинативные единицы отличаются по структуре, несмотря на использование одной и той же ядерной лексемы с самым общим значением (robbery). В англоязычном переводе УК РФ на сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) для перевода обоих понятий используется одна и та же лексема robbery [14]. Попутно заметим, что подобные казусы характерны для неотредактированного машинного перевода.

Для того чтобы разобраться в том, что стоит за словом как правовым понятием в англоязычном юридическом дискурсе, необходимо выяснить его юридическое, не общеязыковое (обращение к толковому словарю типа Oxford Learner’s Dictionary вряд ли будет продуктивным), толкование в специализированных источниках. Это могут быть как непосредственно источники права (законодательные акты, судебные решения), научная и учебная отраслевая литература, специальные словари и другие тематические онлайн-ресурсы. Это поможет уточнить

содержание термина в правовой системе ПЯ и, что крайне важно, определить его место и функцию в терминологической системе, то есть уяснить его взаимоотношения со смежными понятиями. Так, в частности, на авторитетном англоязычном сайте Justia, который специализируется на агрегации американской юридической информации и документации, имеется справочная статья Robbery Law [13]. Здесь находим следующее определение robbery: “the taking of another’s property by force or threat. It is sometimes also referred to as larceny by threat or force”. Далее раскрываются основные элементы состава преступления. Сопоставление квалифицирующих признаков данных видов преступлений на основе текста УК РФ и разъяснений Пленума ВС, с одной стороны, и толкования на сайте Justia, представлено в таблице. Коррелирующие содержательные параметры выделены подчеркиванием (табл. 1).

Таблица 1

Грабеж	Robbery
открытое хищение чужого имущества, которое совершается <u>в присутствии собственника или иного владельца имущества</u> либо на виду у посторонних	the taking of the property of another <u>from his or her person or in their presence</u>
лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет	–
с применением <u>насилия</u> , не опасного для жизни или здоровья, либо <u>с угрозой применения такого насилия</u>	by <u>violence, intimidation or threat</u>
Не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество.	with the intent to deprive them of it permanently

Таким образом, можно сделать вывод, что по ключевым элементам понятия «грабеж» и robbery вполне сопоставимы и могут рассматриваться как функциональные аналоги в сравниваемых правовых системах.

В [13] также отдельно упоминается такой вид преступления, как aggravated robbery, который предусматривается законодательством многих штатов США. Это грабеж при отягчающих обстоятельствах,

связанных с применением оружия (a deadly weapon was used) либо нанесением жертве тяжких телесных повреждений (the perpetrator inflicted serious bodily harm on the victim), что в целом соотносится с квалификационными признаками разбоя. Следовательно, aggravated robbery может рассматриваться как адекватный эквивалент для перевода понятия «разбой» на английский язык.

Важным проблемным аспектом многих юридических терминов является необратимость переводных эквивалентов при смене направления перевода. Так, например, русские термины «подсудимый» и «ответчик» могут переводиться на английский язык словом defendant, однако при переводе с английского на русский может использоваться только один из указанных русскоязычных эквивалентов в зависимости от типа судебного процесса – гражданского или уголовного. При переводе с английского слова subpoena «повестка в суд для дачи свидетельских показаний» и summons «повестка в суд в качестве лица, участвующего в деле» могут переводиться как повестка, однако при переводе с русского на английский необходима контекстуальная дифференциация. Arbitration court может переводиться на русский как арбитражный суд / арбитраж или третейский суд в контексте международного права, но будет неправильно переводить «арбитражный суд» в судебной системе РФ на английский как arbitration court (рекомендуемый вариант перевода — commercial court [2; 7: 40–41]).

При отсутствии в понятийной системе ПЯ эквивалентов полностью или частично совпадающих с понятиями ИЯ переводчик может создавать эквивалент, используя такие приемы, как транскрипция / транслитерация, калькирование или описательный перевод. При всей привлекательности с точки зрения экономии переводческих усилий и компактности переводного термина заимствования, связанные с графическим или фонетическим уподоблением переводных эквивалентов или использованием когнатов, могут оказаться переводческими «ловушками». Иностранное заимствование часто приобретает в русском языке значения, которых у них не было в исходном языке. В результате при обратном переводе с русского на английский может возникнуть терминологическая путаница. Показательный пример приводит Т.П. Некрасова: «слово title часто не переводят, а говорят титул, проверка чистоты титула, порок титула и т. д. В российском юридическом обиходе термин титул подразумевает любое право на что-либо, не обязательно право собственности (в отличие от английского title, означающего исключительно право собственности)» [7:21]. Следовательно, при переводе предложения «граждане, имеющие земельные участки на титуле постоянного (бессрочного) пользования, имеют право приобрести их в собственность» использование слова title будет неуместно.

Таким образом, понятийный анализ юридических терминов и их переводных эквивалентов невозможен без контрастивного анализа репрезентируемых ими правовых концептов и понятий. Не менее важное значение для перевода имеет лексикографическая практика представления терминологических единиц и их переводных эквивалентов в специальных двуязычных словарях.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / Сухарев А. Я., Крутских В. Е., Сухарева А. Я. М.: Инфра-М, 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17622> (дата обращения: 05.10.2023)
2. Верховный суд Российской Федерации. URL: [http://www.supcourt.ru/en/judicial_system/overview/#:~:text=The%20system%20of%20commercial%20courts%20is%20composed%20of%20three%20elements,of%20circuits%20\(cassational%20instance\)](http://www.supcourt.ru/en/judicial_system/overview/#:~:text=The%20system%20of%20commercial%20courts%20is%20composed%20of%20three%20elements,of%20circuits%20(cassational%20instance)) (дата обращения: 05.10.2023)
3. Власенко С. В., Заславская В. А. Юридический перевод в условиях унификации терминологии частного права в юридическом пан-европейском языке // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 222–234.
4. Гамзатов М. Г. Техника и специфика юридического перевода: Сб. статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 184 с.
5. Лайкауф Г. От словаря слов к словарю понятий: о проблемах перевода и двуязычного описания юридических терминов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3. С. 150–157.
6. Мамулян А. С., Кашкин С. Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 816 с.
7. Некрасова Т. П. Юридический перевод. Сборник статей. С русского юридического на английский общепонятный. М.: Р. Валент, 2012. 304 с.
8. Осаке К. Каноны грамотного юридического перевода: размышления компаративиста-цивилиста на примере сравнительной цивилистики // Право и управление. XXI век. 2011. № 2(19). С. 61–65.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/#dst100008 (дата обращения: 09.10.2023)
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8727611b42df79f2b3ef8d2f3b68fea711ed0c7a/ (дата обращения: 09.10.2023)
11. Уголовный кодекс Российской Федерации. Criminal Code of the Russian Federation. Параллельные русский и английские тексты. Английский перевод У. Э. Батлера. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2008. 411 с.
12. The Criminal Code of the Russian Federation. URL: https://arbitratus.ru/english/rf_codes/criminal.shtml (дата обращения: 09.10.2023)
13. Robbery Law // Justia. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:IQzJXWHmh->

- QJ:<https://www.justia.com/criminal/offenses/theft-crimes/robbery/&cd=15&hl=en&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 09.10.2023)
14. WIPO. The Criminal Code of the Russian Federation. URL: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ru/ru080en.html> (дата обращения: 09.10.2023)

Об авторах:

КОЛОСОВ Сергей Александрович – канд. филол. н., доцент кафедры теории языка, перевода и французской филологии, Тверской государственной университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: serge-kolosov@yandex.ru

КАРТАШОВА Полина Евгеньевна – канд. филол. н., доцент кафедры теории и истории обучения иностранным языкам и немецкой филологии, Тверской государственной университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Kartashova.PE@tversu.ru

THE PROBLEM OF CHOOSING AN EQUIVALENT IN THE TRANSLATION OF LEGAL TERMINOLOGY

S.A. Kolosov, P.E. Kartashova

Tver State University, Tver

Legal terminology is nationally specific in both the source language and the target language, which creates additional difficulties in finding and choosing appropriate translation equivalents. In order to select the correct equivalent, the translator should undertake a comparative analysis of the relevant concepts in respective legal systems by closely examining definitions and interpretations found in the legislation sources and documents. This information will help make a comprehensive semantic analysis of the equivalents suggested by bilingual dictionaries and subsequently select an adequate equivalent.

Keywords: *legal translation, legal terms, equivalence, legal usage, terminology*

About Authors:

KOLOSOF Sergei Aleksandrovich – Candidate of Sciences (Philology), associate professor, Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova 33), e-mail: serge-kolosov@yandex.ru

KARTASHOVA Polina Evgenievna – Candidate of Philology, Associate professor of Theory and History of Language Teaching Methodology at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova 33), e-mail: Kartashova.PE@tversu.ru

© Колосов С.А., Карташова П.Е., 2023

Статья поступила в редакцию 07.10.23

Подписана в печать 15.10.23